Материалы Международной научно-практической конференции «ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ И ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ». 30 июня 2016, г. Тула.

УДК 069.7

Тамуркин С.А.[1]

ИЗ ЖИЗНИ ТУЛЬСКИХ ОРУЖЕЙНИКОВ: ГОЛУБИНАЯ ОХОТА

Тульский государственный музей оружия

Tamurkin S.A.

FROM THE LIFE TULA GUNSMITHS: PIGEONS HUNTING

Tula State Museum of Arms

Аннотация: Статья посвящена широко распространенному культурному феномену «голубиной охоты» в контексте бытовой жизни тульских оружейников, составлявших с XVII в. до 1864 г. особое сословие г. Тулы. Целью работы является выявление психологических и поведенческих особенностей оружейников и маркеров их самоидентификации в иерархии сословного общества.

Ключевые слова: оружейное сословие, правовой статус, ментальность, голубиная охота, культурная традиция, маркер самоидентификации.

Abstract: This article is devoted to one of the most well-cultural phenomenon «pigeons hunting» in the context of the life of Tula gunsmiths who was making a special urban class since the XVII s. till 1864. The aim of the work is to show up the psychological and behavioral aspects of the gunsmiths, and the ways of their self-definition in the hierarchy of class society.

Keywords: armory class, legal status, mentality, pigeons hunting, cultural tradition, identity marker.

[1] Тамуркин Сергей Александрович — науч. сотрудник Тульского государственного музея оружия.

Производственные и культурные традиции Тулы как старейшего в России центра производства оружия, ярко выделяются на фоне не только отечественной, но и мировой культуры и с давних пор привлекают внимание людей, интересующихся историей развития отечественной оборонной промышленности. В целом, описание эволюции положения тульских оружейников представлено двумя противостоящими концепциями. Одна из них — развивает идею закрепощения мастеров государством — и наиболее ярко выражена в работах П. Заведеева и С. Зыбина. Другая — опирается на интерпретацию В.Н. Ашуркова, представляя формирование оружейного сословия Тулы как постепенный процесс «борьбы за свои привилегии, за свою феодально-сословную обособленность» [4, с. 22—23].

Кажется, совершенно невозможно разобраться в этом вопросе и уяснить все нюансы характерные для сложной системы взаимоотношений государственных органов и оружейного сообщества, с одной стороны обязанного выполнять казённые работы, с другой, постепенно «обраставшего» привилегиями, «которые оно, раз получив, настойчиво старалось за собой удержать» [4, с. 23].

Так или иначе, ни один из исследователей не подвергает сомнению факт исключительности оружейного сословия Тулы, которое помимо пользования некоторыми экономическими льготами, по ряду процессуальных вопросов не подчинялось юрисдикции местных властей и даже имело выборный демократический орган самоуправления. Так что, не смотря на то, что «в бытовом отношении их жизнь мало отличалась от жизни других городских сословий», работа на казну и отличительный правовой статус сказывались на характере и нравах оружейников, которые отличались от тульских мещан «и по виду, и по физиономии, и по складу речи» [1, с. 150].

Особый жизненный регламент и, как следствие, самобытная культура казённых мастеров, наложили свой отпечаток на их ментальность, особенность которой довольно чётко просматривается в таком широко распространённом культурном феномене как «голубиная охота».

О существовании охоты (разведения породистых голубей) в Туле достоверно известно со 2-й половины XVIII века, когда оружейники являлись преобладающим сословием Тулы [4, с. 18—19]. В связи с этим глубоко символично, что первым о тульской голубиной охоте рассказал в написанной им книге «История города Тулы» Абрам Антонович

Булыгин (ок. 1737 г. р.), мещанин записавшийся в оружейники и работавший в «палерной» мастерской Тульского оружейного завода:

«А я нынеча труд прилагаю больше к голубиной чистой охоте припадаю.

Тульских, Ярославских, Московских по три раза на каждой день гоняю, а только ненасное время пропущаю.

Тульских голубей по десяти гнезд пущаю, Ярославских и Московских по гнезду пущаю.

Левик с левиком, а правик с правиком» (Булыгин А.А., с. 14).

К началу XIX века голуби в Туле распространяются в большом количестве. В.А. Лёвшин в «Топографическом описании Тульской губернии» прямо указывает что: «Кроме охотничьих частых, турманов, трубастых, касастых и других, до которых городские жители великие охотники, особливо же в Туле, в каждом крестьянском доме водятся на избах и под пеледами крышек сизые голуби, называемые здесь дикими. Иногда в великом множестве, но употребления им никакого нет, ибо крестьяне их не едят и неохотно позволяют вынимать молодых из гнёзд по суеверному мнению, что, где много водится голубей, служит то к благополучию дома» (Левшин В.А., с. 287).

Голубиная охота являлась «господствующей страстью вообще Тульских граждан» и не было «ни одного дома, в котором бы не было стада голубей и голубятни. Часто в ясный летний день весь горизонт бывает покрыт стадами сих птиц, и на всех кровлях увидите охотников, машущих длинными шестами» [1, с. 156].

Разведение породистых голубей, как собственно и других породистых животных и птиц, всегда носило характер соревнования, когда оценивались и сравнивались экстерьеры, уровень навыков полученных дрессировкой и т.п. Однако соревнования между голубиными охотниками выражалось, между прочим, и в ловле чужих голубей, которые вмешивались в стаю, выпущенную из голубятни, и вместе с ней спускались на крышу [5, с. 118].

Такой способ поимки голубя вполне справедливо передавал птицу в законную собственность нового владельца, и, если, прежний хозяин желал её вернуть, то он должен был обратиться с этой просьбой к удачливому охотнику, который мог оставить птицу себе, либо выдвинуть требования о выкупе, как правило значительно превышающем реальную стоимость птицы:

«— Что тут такое? Спрашивал подходящий праздный народ.

— Васька чужака артелью загнал.

— Дело законное.

— Вестимо законное.

— Драки не было?

— Не было. Вон сам хозяин идёт.

— Отдаёшь? Проговорил Фомин, обращаясь к Ваське и втеревшись в толпу.

— Отдаю…

— Что же? Спросил Фомин.

— Ведь у тебя две стамески-то? Сказал Васька, почёсываясь.

— Две.

— И два терпуга?

— Два.

— Значит по одному надо отдать, вот и всё, — боле нечего…

— Да, это как водится, сказал Фомин, принимая голубя: — обидно одно — струмент хорош, запасился им недавно.

— Наживешь! сказал кто-то в толпе.

— Голубя купить, всего один рубль цена, а струмент небось рубля два стоить, заметил другой» (Соколов В., с. 512—513).

Однако слишком силён был эмоциональный порыв, сопровождавший желание вернуть своего или заполучить понравившегося соседского голубя, что бы «лютые» (именно так в Туле именовали голубятников, «которые по уровню интереса и вовлечённости в своё занятие приравнивались к азартным картёжникам») довольствовались данным регламентом.

«Лютые» были благообразны, степенны и выглядели мягче остальных рабочих. Видимо, птица их облагораживала. Но во время охоты они становились действительно лютыми. Стоило кому-нибудь помешать охоте, они беспощадно били шестом, будь то жена, ребёнок или друг дома. Рассказывали, что один лютый охотник ехал с невестой из-под венца. Около дома летал чужой голубь. Как бомба, выскочил молодой из пролётки и в венчальном сюртуке прямо на голубятню. Выгнал голубей. Пугнул. Чужой вшибся в его артель и стал садиться. Уже совсем сел было. В это время молодая как крикнет:

— Вася, милый, брось ты хоть сегодня-то заниматься охотой!

Голубь испугался и не сел.

Лютый задрожал весь, да как хватит “питушкой” в молодую, так она на другой день богу душу отдала…» (Фролов А.С., с. 16).

Что же и говорить о том, что охотничий азарт, приводивший к подобной аффектации толкал голубятников на совершение поступков имевших преступный характер и выражавшихся в банальной краже голубей. И если «градское» общество реагировало на это относительно спокойно (кроме исключительных случаев когда «проламывали крышу или делали подкоп под голубятню, вследствие чего в полиции завязывалось дело») (Успенский Н.В., с. 213), то реакция оружейной среды напротив протекала очень бурно выражаясь в достаточно экзотической традиции наказания виновного «по домашнему» на оружейной стороне «покелича из всех гвоздов руда потечёт» (Соколов В., с. 514). То есть вор подвергался массовому избиению, в ходе которого мог получить серьёзные увечья, либо даже по случайности убит:

«— Своим судом его! Своим судом его! Кричал подходящий народ.

И Васютку, окружённого толпой. Повели за шиворот на ту сторону.

На другой день после этого происшествия, Васютка, стоя на подмостках своей собственной голубятни, переговаривался с соседом Антошкой Шурупом:

— Ну, ловко вы меня, черти, вчера отбуцовали; кажись кровью бы истёк; вся кожа от тела отстала.

— Эка! Говороит сосед, спугивая артель голубей длинным шестом: — намесь Гришке Зюкину голову проломили. Кулаками-то ворочали, ворочали, да уж в метлы приняли; ну тут спокаился , пожертвовал своими боками» (Соколов В., с. 510—511).

Лишь освобождение оружейников от обязательного труда на «казну» и уравнивание их в правах с мещанами в мае 1864 года привели к исчезновению этого варварского обычая «оружейной вольницы». «Голубиная охота» теперь превратилась в символ былой сословной сплочённости, который вдохновил тульского оружейного мастера Михаила Ивановича Степанова на создание памятного ружья представленного в экспозиции Тульского музея оружия. Ружьё было изготовлено в честь визита, совершённого на Тульский оружейный завод императрицей Марией Фёдоровной 9 мая 1887 г. Его ложе украшают инкрустированные слоновой костью изображения белых голубей, как бы напоминая о том времени когда оружейники были «государевыми людьми» и в течение нескольких столетий «так сказать, лично вели дело со своими царями, подавая им челобитья, получая от

них грамоты с разнообразными льготами», которые стали основой их оригинальной сословной культуры и создали «из оружейника человека, хотя много и часто битого в малолетстве, нередко жестоко наказываемого заводским начальством, но всё-таки знающего цену своей личности, гордящегося своим искусством» [2, с. 327—328].

Разумеется, памятуя о своём прошлом, оружейники вовсе не отказались от «охоты». И даже напротив, именно благодаря выходцу из оружейной среды, предпринимателю Александру Степановичу Баташёву (из которого его детское увлечение голубями сделало «ещё невстречаемого в России равного ему, по страсти и впоследствии трудам, охотника птицевода»), она получила качественно новое направление развития.

На окраине города А.С. Баташевым был устроен обширный, до пяти десятин (около 50000 м²), птичник на котором размещались «тысячи разнообразнейших экземпляров птиц, дающих представителей более ста пород, видов и родов» неоднократно представлявшихся на им же организованных выставках в Туле, Москве, Курске и Одессе. Но и этим не исчерпывалась деятельность Александра Степановича.

Одна из методик, применяемых А.С. Баташёвым для того, «что бы его охота распространилась, прежде всего, конечно, в его родном городе», заключалась в том, «что как только захворает представитель какой-нибудь породы, то по распоряжению владельца охоты он обыкновенно отдаётся бедным местным охотникам-любителям. Последние, при помощи тщательного ухода и особенно удачного корма. Такой экземпляр вылечивали, воспитывали, одним словом, он у них отлично поправлялся. Иногда из подобного больного экземпляра выходил великолепный представитель данной породы и тогда, если воспитатель приносил его обратно на птичник, то владелец последнего никогда не отказывался заплатить за него очень и очень хорошую цену. Бедные обыватели г. Тулы очень хорошо знают этот обычай и особенно тщательно и сердечно стараются ухаживать за больными экземплярами птиц, изгнанных с птичника». Кроме того «он всем городским охотникам, которые чувствуют любовь и охоту к птицам, дарил одно или два гнезда птиц известной породы, с тем однако непременным условием, чтобы такие любители разводили именно ту породу, которая им дана, и потом, чтобы поддерживать охоту к разведению данной породы, г. Баташев покупал у них некоторых представителей, не останавливаясь ни перед какою ценою. Особенно для более удовлетворительных представителей породы, и таким путём наш охотник птицевод достиг того, что среди самого бедного населения г. Тулы

развилось очень и очень много опытных к разведению домашних птиц охотников» (Сомова В.П., с. 8, 11—17, 50).

Методичная работа, проводимая Александром Степановичем, принесла свои плоды; ещё в 1912 г. С.А. Зыбин в написанной им «Истории Тульского Императора Петра Великого оружейного завода» отмечал, что «до сих пор оружейники разводят и воспитывают породистую птицу.., особенно кур и голубей» [2, с. 326].

Бурные трагические события начала XX века, хотя и не способствовали развитию голубеводства, но и не изжили «голубиной охоты», которая спустя поколения сохранилась своеобразным маркером самоидентификации. Даже в годы Великой Отечественной войны, когда оборонная промышленность Тулы была эвакуирована в восточные районы СССР, где тысячи рабочих с семьями столкнулись с проблемой выживания в условиях неблагоприятного климата и голода. По распоряжению директора завода № 314 (ныне ОАО «Уралэлектро») Константина Николаевича Руднева, наряду с одеждой, продуктами, посевным материалом — в город Медногорск была доставлена стая тульских голубей, в качестве эмоционального стимулятора для эвакуированных туда оружейников [3, с. 256].

До сих пор традиция «голубиной охоты» живёт и сохраняется в среде голубеводов-любителей города Тулы. Сохраняется, несмотря на то, что глубокие социальные и культурные изменения, произошедшие в обществе, смыли бытовую окраску XVIII—XIX вв., скрыв от наших глаз её прежний образ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Булыгин А.А. История города Тулы мещанина Абрама Булыгина, о чудных его на свете похождениях, об охотах, веселостях, и об работах. [Б.м, не ранее 1797]. 36 с.

2. Левшин В.А. Топографическое описание Тульской губернии. 1803 год. Тула, 2006. 391 с.

3. Соколов В. Голубятники. Очерки из жизни тульских оружейников // Современник. 1863. № 10. С. 512—513.

4. Сомова В.П. Птицеводство Алекс. Степ. Баташева и труды его на земской сельско-хозяйственной и промышленной выставке в городе Курске. Тула, 1886. 51 с.

5. Успенский Н.В. Новые рассказы Н.В. Успенского. СПб.; -М., 1867. 460 с.

6. Фролов А.С. О былом и пережитом. (Воспоминания тульского рабочего). 2-е изд. Тула, 1990. 287 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Глаголева О.Е. Русская провинциальная старина: оОчерки культуры и быта Тул. губернии XVIII — первой половины XIX вв. Тула, 1993. 208 с.

2. Зыбин С.А. История Тульского, императора Петра Великого, оружейного завода. Т. 1. М., 1912. 374 с.

3. История Тульского оружейного завода. 1712—1972. М., 1973. 494 с.

4. Тульские оружейники: сб. документов. М., 2003. 368 с.

5. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. IX. СПб., 1893. 496 с.

REFERENCES

1. Glagoleva O.E. Russkaya provintsialnaya starina: ocherki kultury i byta Tul. gubernii XVIII — pervoy poloviny XIX vv. Tula, 1993.

2. Zybin S.A. Istoriya Tulskogo, imperatora Petra Velikogo, oruzheynogo zavoda. M., 1912.

3. Istoriya Tulskogo oruzheynogo zavoda. 1712—1972. M., 1973.

4. Tulskie oruzheyniki: sb. dokumentov. M., 2003.

5. Entsiklopedicheskiy slovar Brokgauza i Efrona. Vol. IX. SPb., 1893.